

Феномен межпоколенческой передачи травмы и его влияние на индивидуацию третьего и четвертого поколений

Коллективная травма переживается спустя время и через воспоминания, и ключевая роль в этом процессе принадлежит репрезентации. То, как именно помнится событие, тесно переплетено с тем, как именно оно представлено. В своей терапевтической практике я работаю со взрослыми клиентами, в основном рожденными между 1975 и 1995 годами. Эти люди являются третьим и четвертым поколениями потомков участников Великой Отечественной Войны (1941-1945 гг.), одновременно это четвертое и пятое поколение потомков свидетелей или участников Октябрьской революции (1917 г), а также Первой Мировой (1914-1918 гг.) и Гражданской (1917-1922 гг.) войн. Анализ межпоколенческих связей, механизма передачи травмы и ее проявления в разных поколениях может способствовать более комплексному и глубокому пониманию симптомов и трудностей, с которыми к нам обращаются наши клиенты, и, как следствие, разработке более разнообразных и эффективных стратегий терапии.

Дарья Игоревна Костевич

- Аналитический психолог, арт-терапевт, сертифицированный практик Международной школы Трансгенерационной терапии.

Коллективная травма переживается спустя время и через воспоминания, и ключевая роль в этом процессе принадлежит репрезентации. То, как именно помнится событие, тесно переплетено с тем, как именно оно представлено.

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ВЗГЛЯДОВ НА МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКИЕ ФЕНОМЕНЫ

З. Фрейд в своих работах «Введение в психоанализ», «Новые лекции по психоанализу» и др. развивал идею о том, что индивидуальный опыт человека носит отпечаток опыта, накопленного предшествующими поколениями. Этот «отпечаток» проявляется в чувстве, которое передается из поколения в поколение, в привязке к той или иной ошибке, которую люди больше не держат в сознании и о которой вспоминают меньше всего. Это чувство, по словам З. Фрейда, «связано с ужасом, отвращением, тревогой, чем-то пугающим», поэтому оно вытеснено и передается на бессознательном уровне [21, с.68]. В работе «Тотем и табу» З. Фрейд определенно заявляет о полезном потенциале межпоколенческой связи: «Если психические процессы одного поколения не передавались бы другому, не продолжались бы в другом, каждому пришлось бы вновь учиться жизни, что исключало бы всякий прогресс и развитие» [22, с. 63].

Ф. Дольто исходит из идеи существования прочной связи между бессознательным матери и бессознательным ребенком в перинатальный период его развития. По мнению автора, ребенок в этот период знает, угадывает и чувствует вещи, относящиеся к его семье на протяжении нескольких поколений.

Многие исследователи обращались к интерпретации феномена трансгенерационной передачи, имея в виду не только осознанную передачу опыта от поколения к поколению, но и с трудом объяснимые факты бессознательного повторения событий жизни, историй, болезней, трагедий, судеб своих предков. Одним из первых психологов, предложивших целостную модель объяснения трансгенерационных феноменов, был К.Г. Юнг, введший в психологию концепцию коллективного бессознательного. Впоследствии к теме трансгенерационной передачи обращались такие исследователи как Ф. Дольто, И. Бузормени-Надь, А.А. Штуценбергер, М. Боуэн и другие.

В рамках психоаналитической семейной терапии трансгенерационная передача рассматривается в свете не полностью разрешенного конфликта, семейных тайн, преждевременных смертей и выбора профессии. Пытаясь ответить на вопрос о том, как происходит трансгенерационная передача, как действует этот механизм, исследователи этого теоретического направления выдвинули ряд предположений. Так, Ф. Дольто исходит из идеи существования прочной связи между бессознательным матери и бессознательным ребенком в перинатальный период его развития. По мнению автора, ребенок в этот период знает, угадывает и чувствует вещи, относящиеся к его семье на протяжении нескольких поколений [24, с. 48].

В системной семейной терапии феномен трансгенерационной передачи находит вполне логичное объяснение, поскольку семья рассматривается как система и всё происходящее с отдельными её элементами (членами семьи) отражается на состоянии системы в целом и, как следствие, на всех остальных ее элементах. Ведущими механизмами трансгенерационной передачи в системном семейном подходе считаются триангуляция, представляющая собой способ деструктивной связи между поколениями, и снижение дифференциации Я. Посредством триангуляции от поколения к поколению передается неразрешённый конфликт и состояние тревоги, связанное с ним, а также неосознаваемые правила функционирования семьи. Комплекс этих неосознаваемых правил закрепляется в семейном мифе, который проявляется в определенных паттернах функционирования семьи [3]. Триангулирование – механизм, посредством которого родительская недифференцированность наносит вред и приводит к ухудшению состояния одного или более детей. «Триангулированный» ребенок – тот, на котором проективный процесс сфокусирован в наибольшей степени. Обычно такие дети бывают чрезмерно включены в родительские взаимоотношения, в ущерб решению стоящей перед ними важной задачи – построения собственной идентичности. В результате, они плохо адаптируются к жизни, имеют более низкий, по сравнению с сиблингами,

уровень дифференциации Я. Дифференциация Я человека определяется сообразно тому, насколько успешно он отделяет процессы, связанные с чувствами, от интеллектуальных процессов. Чем ниже уровень дифференциации Я, тем сложнее индивидууму проводить такие различия, и тем больше его интеллект «затоплен» эмоциями, а его поведение зависит от аффективных импульсов, ситуативных факторов и влияния других людей. Если ребенок с его несформировавшейся психикой и слабыми внутренними опорами становится триангулируемым членом семьи, то он, как правило, не справляется с объемом «перекидываемого» на него напряжения. Таким образом, в дисфункциональных семьях степень дифференциации Я снижается от поколения к поколению, приводя к формированию тяжелых психологических дисфункций. М. Боуэн полагал, что благодаря действию этой закономерности, восьми – десяти поколений, передающих «эстафету» эмоционального слияния, бывает достаточно для развития шизофрении [24].

В ряде исследований подтверждается передача типов привязанности от одного поколения другому, что может быть определено еще до рождения. Например, безопасная модель у родителя формирует безопасную привязанность у ребенка, а избегающая, равнодушная модель у родителя формирует избегающую привязанность у ребенка [36].

Ведущими механизмами трансгенерационной передачи в системном семейном подходе считаются триангуляция, представляющая собой способ деструктивной связи между поколениями, и снижение дифференциации Я.

С. Тиссерон [52] подробно описывает влияние секрета на психику ребенка. Все семейные секреты, какими бы прекрасными ни были намерения, их порождающие, всегда воспринимаются ребенком как насилие. Насилие, которое он не забудет никогда, которое повиснет тяжелым грузом над всей его психической жизнью и рикошетом скажется на его профессиональной, любовной и социальной жизни.

Даже если родители уверены, что дети никак не могут узнать о секрете, последние чувствуют его присутствие, поскольку секрет передается не только вербально. Он «просвечивается» через интонации его носителя, его жесты, употребление неподходящих слов и даже через окружающие объекты. Дети же, чувствуя болезненное расщепление у родителей, прилагают большие усилия, чтобы родители верили, будто они ничего не знают. Проблема состоит в том, что такого рода адаптация детей в свою очередь становится детерминантой проблем, возникающих у их будущих детей и дальше в нескольких поколениях. Обсуждая процесс передачи между поколениями, Тиссерон говорит о трех видах символизации опыта: аффективно-сенсорно-моторном, образном и вербальном. Если пережитое событие символизируется только в одной из модальностей, результатом могут быть нарушения в психической жизни. Тиссерон описывает также действие секрета в череде поколений — травматичное, болезненное событие, пережитое родителем, окружается молчанием. С одной стороны, есть потребность разделить свой секрет с кем-то, с другой — страх травмировать близких. Сначала молчание касается только

В дисфункциональных семьях степень дифференциации Я снижается от поколения к поколению, приводя к формированию тяжелых психологических дисфункций.

темы секрета, но постепенно оно распространяется на большую часть информации, даже косвенно касающуюся секрета. Если же носитель секрета говорит на эту тему, то отрывочно, противоречиво, туманно. Результатом становятся пертурбации в отношениях с детьми и в их психическом функционировании. Во втором поколении секрет бывает окружен стыдом. То, что было невысказанным, становится невыразимым, вербальная репрезентация отсутствует. Содержание игнорируется, но само наличие секрета чувствуется и вызывает вопросы. Именно в этом поколении могут появиться проблемы в познавательной сфере, возможно, еще без серьезных личностных проблем. В третьем поколении ребенок, а потом и взрослый, может иметь ощущения, эмоции, потенциальную активность, образы, которые ему кажутся странными, необъяснимыми ни его собственной психической жизнью, ни историей его семьи. Психологические проблемы в этом поколении уже более выражены, вплоть до патологических. После третьего поколения, если ситуация не имеет экстремальной тяжести, секрет имеет тенденцию к разрешению. Часто он заменяется формированием нового секрета у личности, находящейся под влиянием секрета. Не имея возможности влиять на секрет, жертвой которого эта личность является, она испытывает тенденцию организовывать и контролировать свои собственные секреты.

Интегрируя различные взгляды на проблему трансгенерационной передачи, Анн Анселин Шутценбергер [24] создаёт новое направление в семейной психотерапии – психогенеологию. Основным методом психогенеологии является трансгенерационная психогенеологическая контекстуальная терапия, одним из основных инструментов которой становится геносоциограмма. Геносоциограмма по методу Шутценбергер позволяет проанализировать сложное сплетение семейных историй, выявить связи между поколениями, которые представлены в жизни человека как бессознательное повторение опыта (как правило, драматического) предшествующих поколений [24, с. 99]. Этот метод великолепно показал себя в рамках психотерапии, однако это метод качественного исследования, и он не подходит для проверки гипотез, требующих статистически достоверных данных. Одним из ключевых симптомов именно трансгенерационной передачи Анн Анселин Шутценбергер считает открытый ею «синдром годовщины» — «повторяющиеся события или проявления «неосознанной скрытой лояльности», неосознанной идентификации себя с ключевым, важным членом семьи» [24 с.91]. Речь, как правило, идет о каких-то трагических переломах в судьбе (например, болезни или несчастного случая) в том же возрасте или даже в те же даты, когда в жизни предка произошло трагическое событие – такое же или похожее. Нередко синдром годовщины проявляется в более мягкой форме – недомогания или неудачи, ощущения тревоги и подавленности в ключевые даты, например, годовщину смерти или ареста предка, в форме рождения нового члена семьи в день рождения или смерти матери мамы ребенка. При этом очень часто люди не помнят, что дата произошедшего с ними

события – это годовщина, связанная с предком и не осознают связи между этими событиями [24, с. 99-101].

В настоящее время многие исследователи последствий геноцида и репрессий в качестве объяснительной модели трансгенерационной передачи выдвигают концепцию культурной передачи [37]. Их исследования показывают связь между наличием трансгенерационной травмы во втором-третьем поколении и стилем воспитания, способом передачи нарратива семейной истории, связанной с геноцидом и репрессиями [33], а также отражением социальной травмы в культурном контексте – фольклор, литература и др. [17], [18].

В отечественных исследованиях продолжает изучаться феномен патологизирующего семейного наследования, характерный для дисфункциональных семей [18]. А. И. Захаров, анализируя специфику отношений в семьях детей с неврозом, фиксирует факты межпоколенного воспроизводства неосознаваемых сторон супружеского и детско-родительского конфликта [17]. Влияние прасемьи на выбор способов совладания с трудными ситуациями у супругов было установлено в исследовании семей с разным характером связей между поколениями (прародители – дети – внуки) [20]. В исследовании трансгенерационного компонента семейной целостности были выделены и описаны три типа межпоколенной связи: сохранная связь между поколениями

В семьях с нарушенной связью между поколениями менее выражен осознанный компонент межпоколенного наследования – преемственность.

(или «сохранная преемственность»), искаженная межпоколенная связь в форме «односторонней передачи» и нарушенная межпоколенная связь (или «нарушенная преемственность»). Так, в семьях с «сохранной преемственностью» отмечается передача и принятие опыта как в направлении от предков к потомкам, так и от потомков к предкам. В исследовании преобладает осознанный

компонент – межпоколенная преемственность. В семьях с искаженной связью между поколениями нарушена передача и принятие опыта в направлении от потомков к предкам, в наследовании отсутствует осознанность. В семьях с нарушенной связью между поколениями менее выражен осознанный компонент межпоколенного наследования – преемственность.

Несмотря на признанный факт существования феномена межпоколенной передачи опыта (трансгенерационной передачи), на данный момент нет единого обоснованного описания психических механизмов его функционирования. Авторы, занимающиеся изучением этой темы, выделяют в основном проекцию и идентификацию.

Проекция – механизм, направленный на эвакуацию из психики неприятных, болезненных, пугающих элементов и приписывание их другому [21], в результате которого внутреннее ошибочно воспринимается как приходящее извне. Идентификация – процесс бессознательного присвоения психикой субъекта черт значимого объекта (его модели поведения, реагирования и др.), так и бессознательных элементов психики объекта, его конфликты [21].

Возможна идентификация даже с предком, которого ребенок лично не знал, но который был объектом любви, восхищения, или, напротив, стыда и боли его матери.

А. Эйгер показывает, что возможна идентификация даже с предком, которого ребенок лично не знал, но который был объектом любви, восхищения, или, напротив, стыда и боли его матери. Этот предок становится моделью для идентификации, которую мать передает ребенку через вербальные и невербальные послания. Автор называет такую модель «трансгенерационным объектом» [40].

И. Гампел предлагает термин «радиоактивной идентификации» для описания способа, с помощью которого люди, пережившие Холокост, пытаются облегчить свои страдания, а также механизм их негативного воздействия на своих детей. Автор сравнивает переход ужасных, разрушительных событий реальности, от которых невозможно защититься, от одного поколения к другому без трансформации, без смягчения их деструктивных эффектов, с радиоактивностью, способной проходить через тела. Эта «радиоактивная идентификация» представляет собой «радиоактивные отходы» разрушительного влияния внешнего мира, его непредставимые пережитки, которые осаждаются в психике индивида [41]. Д. Роуланд-Кляйн и Р. Данлоп на примере детей родителей, перенесших Холокост, описали проекцию на ребенка связанных с пережитым травматизмом чувств и тревог. Ребенок, интроецируя эти переживания, демонстрирует симптомы, как будто он сам пережил эти кошмары. В результате у ребенка появляется чувство: чтобы понять, через что прошел родитель, ему нужно самому погрузиться в прошлое родителя, жить там. Он ощущает часто как «необъяснимую скорбь» интроецированные и непонятные эмоции. Желание сохранить связь с родителем и его опытом входит в противоречие с желанием жить своей собственной жизнью, отделить ее от истории родителей [50].

Н. Абрахам и М. Торок [32] ввели метафорические понятия «семейного склепа» и «семейного призрака», являющиеся бессознательно передаваемыми в семье «фигурами умолчания», несущими в себе психологическую опасность для семьи вследствие неразрешенных конфликтов или травматических событий. Так, «призраком» является тот предок, неразделимая связь с которым не осознается, но поддерживается и передается из поколения в поколение в виде «белых пятен», «тайн», «недоговоренности» и т.д. [24]. Также они описывают механизм «эндокриптической идентификации», в случае, если субъект, переживающий горе, инкорпорирует объект. Такое горевание отягощено ценностью потерянного им

«Радиоактивная идентификация» представляет собой «радиоактивные отходы» разрушительного влияния внешнего мира, его непредставимые пережитки, которые осаждаются в психике индивида.

идеализированного объекта и одновременным существованием постыдного секрета, его касающегося. В результате этой инкорпорации, в Я субъекта формируется крипта, или лакуна, которая и передается. Я субъекта оказывается захваченным объектом, задачей которого является поддержание существовавшего до потери его объекта статус-кво. Таким образом, лакуна в психическом пространстве представляет собой непрожитое горе, которое никогда не было осознано, она передается от бессознательного родителя бессознательному ребенку [32].

М. Кляйн описала механизм проективной идентификации как механизм примитивной психологической защиты, способ совладания с неприемлемыми элементами внутри психики. Эти отрицаемые, тревожащие фантазии, черты, страхи, которые изгоняются из собственной психики и помещаются в психику другого, который, под влиянием провокации субъекта, начинает вести себя как будто они принадлежат ему [10,11]. Р.В. Срур и А. Срур исследовали действие проективной идентификации между отцами, страдающими ПТСР, и их детьми. Авторы установили, что травмированные отцы проецируют на ребенка такие свои негативные эмоции как чувство преследования, агрессию, стыд, вину. Идентификация ребенка с этими эмоциями приводит к тому, что он переживает их как свои собственные [51].

Результатом являются трудности ребенка в формировании собственной идентичности, возникновение симптомов, идентичных отцовским: изоляции, чувства вины, агрессивности и др. [34]. При этом Р. Розенек и А. Фонтана показали, что степень идентификации коррелирует с характером отношений между отцом и ребенком. Так, большая близость с отцом приводит к развитию большей схожести в симптоматике и более выраженному дистрессу у ребенка. Х. Барокас и С. Барокас предположили, что травмированный родитель опасается собственной ярости, не может ее выразить, поэтому неосознанно «сбрасывает» сигналы своему ребенку, который должен отреагировать эту агрессию. Авторы показали наличие прямого воздействия блокированной агрессии и гнева родителя на ребенка [42].

А. Фрейд исследовала феномен идентификации с агрессором – ребенок идентифицируется с тем, кто заставлял его страдать, при этом болезненный аффект, связанный с пережитой болью, вытесняется. Идентификация с агрессором приводит к тому, что став взрослым, такой человек будет делать со своим ребенком то же, что делали с ним, он заставит его страдать так же, как страдал сам [31].

Х. Фэймберг предлагает термин «телескопаж» («столкновение поколений») для описания состояния захваченности ребенка его внутренними родителями, его идентификации с их историей, особенно с их секретами. В такой идентификации конденсируется история предшествующих поколений [43].

Л. Маккубин обобщает выдвинутые Б. Харт гипотезы межпоколенческой передачи травмы: идентификация детей с проблемами родителей, вклад типа коммуникации

У ребенка появляется
чувство: чтобы понять,
через что прошел родитель,
ему нужно самому
погрузиться в прошлое
родителя, жить там.

в качестве описания взрослыми травмы, особый родительский подход, генетическая передача уязвимости на основе наследования экспрессии генов (фенотипа) без изменения генотипа. Травма влияет на этот процесс и предопределяет межпоколенческую склонность к определенным соматическим заболеваниям и психическим расстройствам [38].

Подведём итог: трансгенерационная передача относится к негенетическим формам наследования и предполагает передачу опыта (в широком смысле этого слова) от предков к потомкам и его воспроизведение. Следует различать осознанную и неосознанную передачи в ходе межпоколенческого взаимодействия. Если речь идет об осознанной передаче, то это касается преемственности семейных традиций, норм, обычаев, то есть имеет место прямая передача опыта и информации от предыдущих поколений, содержание и смысл которых хорошо понимается наследниками. Трансгенерационная передача осуществляется же бессознательно, содержание оказывается скрытым, поскольку транслируемый через поколения материал (трансгенерационный объект) является скрытым, замалчиваемым и неосознанным вследствие его травматической природы. Феномен трансгенерации является мощным, невербализованным, неструктурированным элементом реальности, который существует в интерсубъективном мире нескольких поколений, одновременно принадлежа всем им и формируя заряженные аффективные связи между ними. Трагический парадокс заключается в том, что «об этом» запрещено говорить в семье, но также «об этом» не представляется возможным забыть вследствие запрета на проговаривание. Такой объект не интроецируется, не становится частью собственной психической жизни индивида, оставаясь слепой зоной, присутствие которой человек не осознает, но которая может субъективно ощущаться как нечто чужеродное, вызывающее странные поступки, реакции и переживания, а также соматические симптомы. Вследствие замалчивания, в психике формируется своего рода лакуна, которая передается из поколения в поколение. Своеобразие такого объекта заключается в его одновременном видимом отсутствии и имманентности данной семейной системе: его наличие в ней предусмотрено, но он по каким-то причинам в ней не присутствует. К. Эльячефф подтверждает, что «замалчивание на деле не только не спасает от травм, но приводит к различным патологическим проявлениям в нескольких поколениях» [27, с. 84].

Травмированные отцы
проецируют на ребенка такие
свои негативные эмоции,
как чувство преследования,
агрессию, стыд, вину.
Идентификация ребенка с этими
эмоциями приводит к тому,
что он переживает их как свои
собственные.

ПРОЦЕСС ИНДИВИДУАЦИИ И ПРИЧИНЫ ЕГО НАРУШЕНИЯ

Как упоминалось ранее, К.Г. Юнг был одним из первых психологов, предложивших целостную модель объяснения трансгенерационных феноменов, в частности посредством обращения к таким взаимосвязанным понятиям как «архетип Самости» и «индивидуация».

Индивидуация — одно из базовых понятий аналитической психологии,

означающее процесс становления личности, такого психологического развития её, при котором реализуются индивидуальные задатки и уникальные особенности человека. Согласно К. Юнгу, индивидуация отражает идею целостности – универсальное стремление или желание человека осуществить всё, что в нем заложено – все аспекты своего Я. Индивидуацию можно рассматривать как движение к целостности посредством интеграции сознательных и бессознательных частей личности. Желание реализоваться – это «сильнейшее, самое неизбежное желание каждого существа» [28, п.289]. Индивидуация – это также постепенная реализация (планов) Самости в течение жизни человека. Я находится в процессе интеграции (адаптации), а Самость находится в процессе индивидуации (накопление личного опыта). Архетип Самости – центральный архетип в теории К. Юнга, является интегрирующим началом психики, объединяет все противоположности психической структуры, выражая, таким образом, психическую целостность личности. Это архетип структуры, равновесия и порядка, цель и результат индивидуации, включающий «не только сознательное, но и бессознательное психическое бытие» [30, с. 120].

Новорождённый младенец обладает так называемой Первичной Самостью, которая организует его проявления и активность и при наличии достаточно хорошей матери, окружения, отсутствии грубых травм у такого младенца есть все шансы стать индивидуированной личностью [12]. Это утверждение подтверждают эмпирические исследования Р. Шпитца (1960), М. Кляйн (1962), Д. В. Винникотта (1969), Ж. Пиаже (1969) и др. У.Р. Блон [35] описал роль мышления матери в формировании мышления ребенка: мать воспринимает сырые, неструктурированные послы от ребенка, его ощущения, чувства, психически их перерабатывает и возвращает ребенку в структурированном виде. Блон вводит понятия «альфа-» и «бета-элементов» для обозначения принимаемых, незрелых и возвращаемых, переработанных послы соответственно, а также представление о «контейнере» и «контейнируемом». Психика матери представляет собой «контейнер», где с помощью «альфа-функции» происходят контейнирование и трансформация воспринятых ею от ребенка спроецированных элементов. Таким образом, мать питает психику ребенка смыслами, которые могут быть как структурирующими, так и деформирующими. Постепенно ребенок идентифицируется с этой ее функцией, формируя свой аппарат мышления, с помощью которого сможет уже сам осознавать, интерпретировать свои эмоции.

Дело обстоит иначе, если младенец сталкивается с тяжелой ранней травмой. В таких случаях в психике начинают преобладать ужасающие и деструктивные аспекты Самости («бета-элементы»). Юнгианский аналитик Д. Калшед обозначает эту Самость как Самость, обеспечивающую выживание (survival Self), отличая её от Самости индивидуации (individuating Self) [7, с 130-131]. Энергия Самости, предназначенная

Идентификация с агрессором приводит к тому, что, став взрослым, такой человек будет делать со своим ребенком то же, что делали с ним, он заставит его страдать так же, как страдал сам.

Трансгенерационная передача относится к негенетическим формам наследования и предполагает передачу опыта (в широком смысле этого слова) от предков к потомкам и его воспроизведение.

для индивидуации, оказывается задействована для исполнения задачи обеспечения выживания индивида на ранних этапах развития. Цель таких архетипических защит Самости состоит в том, чтобы оградить травмированного ребенка, изолировав его от жизни в целом, как следствие будет пресекаться любая попытка пересечения границы между «Я» и другими. Так в раннем возрасте возникает неустойчивая «деинтегративная стадия» Самости. Л. Стейн [19] предложил идею, согласно которой крайний негативизм и самодеструкция, свойственные индивидам, использующим примитивные защитные механизмы, могут быть поняты как атака первичной Самости на те части Эго, которые она ошибочно принимает за нарушителей границ, захватчиков. Он провёл аналогию с иммунной системой, эффективность которой зависит от способности точно определять инородные элементы, нападать на них и уничтожать. Аналогично цель архетипических защит Самости состоит в том, чтобы оградить травмированного ребенка от опасных воздействий, оборвав все его связи с внешней реальностью. Фордхэм отмечает, что если ребенок подвержен влиянию вредоносных стимулов патогенной природы, то избыточная реакция подобной системы защит может приобрести характер устойчивости. Действие механизма проективной идентификации приводит к тому, что (наряду с не-Я-объектами) могут быть подвергнуты атаке и Я-объекты, так что происходит закрепление некой реакции, чем-то похожей на аутоиммунную. Именно так мы можем объяснить то, что активность защит сохраняется уже после того, как пагубное воздействие прекратилось. Когда это происходит, внутренний мир перестает или почти перестает развиваться: процессы интеграции Я утрачивают гибкость и становятся косными. Итогом процессов развития, разворачивающихся под давлением потребностей созревания, является не деинтеграция (серия контактов с окружающей средой, развивающих опыт младенца), а дезинтеграция, преобладание же защитных систем способствует аккумуляции насилия и враждебности, отщепленных от всех либидинозных и эротических коммуникаций с объектом, которые могут иметь место [54]. Таким образом, процессы реинтеграции (переработки нового психического опыта через сон, рефлекссию) оказываются приостановленными, и процесс структурирования и усложнения личности затормаживается.

Замалчивание не только не спасает от травм, но приводит к различным патологическим проявлениям в нескольких поколениях.

Травматические жизненные события не могут быть восприняты внутренними схемами жертвы в отношении себя и мира (Horowitz); они разрушают фундаментальные исходные положения о безопасности в мире, позитивных ценностях, о себе (Janoff-Bulman) и приводят

к нарушениям аффектов. Krystal считал, что травма создает регрессию в аффекте, истощение и дефицит способности к символическому представлению и созданию фантазий. Д. Винникотт указывает на необходимость хорошего «поддерживающего окружения» (holding environment), чтобы справляться с разрушительной тревогой, вызванной травматическими событиями. Х. Кохут говорил о распаде когерентной самости. Д. Калшед показывает, как травма прерывает переходные процессы человеческого родства, создающие смысл. Жертвы травмы страдают от поврежденных человеческих отношений, от «порванных связей». Robert Jay Lifton назвал это ощущением отчуждения, состоянием «нахождения вне культуры» (being outside of culture). Он убежден, что травма нарушает способность развивать образы и символические формы, обеспечивающие ощущение неразрывности и целостности, и он также подчеркивает необходимость трансформировать и реанимировать символы в поисках нового значения.

Травма достигает архетипического уровня сознания, где символическое измерение и воображаемые пути становятся центральными для процесса исцеления. Травматический опыт активизирует архаические уровни нашей психики и образует архетипический ландшафт, сильно заряженный аффектом. Травма – это существование при смерти, «разрушитель смысла», болезнь смысла (meaning disorder), при которой разрушен сосуд и разорвана ось Эго - Самость.

Переходя к описанию клинического случая, отметим, что поколения, напрямую подвергшиеся травматическому воздействию, по многим причинам не проходят терапию, соответственно, не имеют возможности интегрировать травму, оставаясь в тесной эмоциональной связи с ней. Их восприятие реальности и коммуникация были нарушены, патологические поведенческие паттерны передавались через отношения с детьми. Поколение, напрямую затронутое травмой, обычно проявляет черты эмоциональной заторможенности, холодной функциональности. Последующее поколение обычно демонстрирует черты повышенной тревожности, многочисленные страхи и спутанность идентичности. Наиболее распространенные симптомы второго поколения: зависимости, панические проявления, чувство беспомощности и небезопасности. Их отношения с собой, своим телом и другими людьми крайне затруднены. Как правило, соматические симптомы приходят на смену психологическим. Часто травмирующие события, имевшие место в истории семьи и не переработанные в рамках одного поколения, манифестируют в последующих поколениях в виде следующих феноменов: невидимая лояльность, синдром годовщины, замещающий ребенок, триангулирование, парентификация, классовый невроз, передача травмы по наследству, эффект незавершенного действия.

Лояльность можно определить как причастность личности к группе на взаимосвязанных уровнях самоопределения, групповых эмоций, а также мотивации,

Мать питает психику ребенка смыслами, которые могут быть как структурирующими, так и деформирующими.

Цель архетипических защит Самости состоит в том, чтобы оградить травмированного ребенка от опасных воздействий, оборвав все его связи с внешней реальностью.

еся события, как правило, имеют важное значение на жизненном пути индивида, могут носить как трагический, так и позитивный смысл (свадьбы, смерти, болезни, переезды, разводы, рождение). Шутценбергер считает, что, реализуя синдром годовщины, дети выражают лояльность к своим родителям и роду в целом [24, с. 64].

Замещающий ребенок – ребенок, родившийся в атмосфере незавершенного траура по умершему ребенку или родственнику. Его предназначение – занять место умершего [16, с. 9].

Парентификация – это переворачивание ценностей, то есть ситуация, в которой дети, даже малолетние, становятся родителями собственных родителей. Парентификация – это инверсия заслуг и долгов, их неверное понимание [24, 86].

Классовый невроз – бессознательное чувство вины и тревоги, испытываемое членом семьи при достижении им социально-экономического положения, превосходящего статус предков или других членов семьи.

Эффект незавершённого действия (эффект Зейгарник) состоит в том, что незаконченные задачи помнятся лучше, чем задачи завершенные. Это связано с тем, что начало выполнения задачи создает напряжение, которое не разряжается до тех пор, пока задача не завершена. Это напряжение постоянно стремится к реализации. Законченные задачи разряжают напряжение и более не беспокоят. «Эффект Зейгарник применим ко всем незаконченным задачам, в том числе унаследованным от предшествующих поколений – таким как семейные тайны (кровосмешение, траур, убийство, насилие, трагические смерти), или невысказанные (не получившие названия) и чудовищные военные травмы, для которых траур был невозможен» [24].

В настоящее время в терапии мы, как правило, встречаем представителей третьего и четвертого поколений. Часто эти люди страдают депрессией, имеют садомазохистические тенденции, при этом они талантливы, креативны, образованы, но имеют проблемы с реализацией своих талантов, будучи переполнены и парализованы стыдом и проекциями. Их разорванная связь с Самостью объясняет сложности с индивидуацией, самоидентификацией. Терапия таких клиентов требует длительного времени, так как фактически включает анализ нескольких поколений. Далее представлено описание такой терапии – аналитический случай клиентки по имени Анна, в семейной истории которой прослеживается история трансгенерационной передачи травмы.

направленности и процессов групповой активности (По С.В. Горностаеву). Невидимая лояльность – бессознательная верность порядкам и устоям семьи [«Синдром предков», с. 48].

Синдромом годовщины, по А. Шутценбергер, называются повторяющиеся события в жизни членов семьи, происходящие в одном и том же возрасте или в совпадающие даты. Повторяющиеся

Случай Анны

Анна, приятная женщина 38 лет, обратилась ко мне незадолго до начала карантина¹. Семья Анны около 4 лет проживает в Великобритании, поэтому наша работа велась по скайпу с сеттингом 2 раза в неделю по 50 минут. Изначальный запрос клиентки строился вокруг конфликтных отношений с дочерью 20 лет, а также кризиса в отношениях с мужем, разговоры с которым превращались для Анны в настоящую пытку. Анна также жаловалась на постоянно сниженный фон настроения, отсутствие энергии, острую реакцию на любую критику, чувство пустоты и одиночества, тяжесть в принятии решений, непонимание своих потребностей.

По образованию Анна – учитель биологии и химии, на момент начала терапии подрабатывала няней, так как не имела официального разрешения на работу, находилась в процессе получения документов. Переезд произошел из-за работы мужа, который профессионально реализуется в новой стране. Общается семья в основном с русскими семьями.

С первой сессии Анна демонстрировала открытость и доверие, выражала большие ожидания от терапии. На второй она показала мне художественные фотографии, которые делает в свободное время, прислала ссылку на видеоролик, в котором она играет на гитаре и поет песню. В контрпереносе я ощущала Анну как маленькую девочку с распахнутыми глазами, готовую идти за взрослым, льнущую в надежде на защиту и любовь. Этот образ вызывал много нежности, тоски, тревоги и тяжести от ответственности.

Анна родилась в небольшом городе в средней полосе России. Ее родители познакомились в университете и вскоре поженились. Оба родителя – биологи, после окончания университета они попали по распределению в заповедник на территории Таджикистана, там Анна проживала до 9 лет. После произошёл переезд в областной город недалеко от места рождения клиентки. Семья построила дом, строительство которого сопровождалось многочисленными конфликтами. Когда Анне было 12 лет, отец сообщил о том, что встретил другую женщину и собирается развестись. После развода Анна с мамой переехала в областной центр. Ещё через 3 года мама вышла замуж за старого знакомого из университета. Развод родителей переживался Анной очень тяжело, период с 12 лет и до вступления в первый брак (16 лет) она описывала как самый тяжелый в ее жизни. В это время мать клиентки (Елена) находилась в депрессивном состоянии, сменяемом приступами агрессии к дочери. Елена подвержена переменам настроения до сих пор, она часто обижается на дочь, наказывает её молчанием с посланием: «догадайся, что не так, и исправь это». В общении с дочерью и её семьёй у Елены преобладает учительский тон и попытки всех поучать и критиковать, если поведение не соответствует её ожиданиям.

У Анны есть дочь (20 лет) от первого брака и двое сыновей (16 и 5 лет) от брака

Травма нарушает способность
развивать образы
и символические формы,
обеспечивающие ощущение
неразрывности и целостности.

1 Ограничительные меры из-за пандемии, вызванной вирусом Covid-19

с нынешним мужем. Анна вступила в первый брак в 16 лет, родила дочь. Так как первый муж страдал алкогольной зависимостью, то вскоре брак распался. Старшую дочь Анны до 4 лет воспитывала ее мать (Елена).

Мы начали погружение в трансгенерационную историю семьи Анны после следующих событий: Анна узнала о своей беременности, что стало неожиданностью для всей семьи. Едва выстроив планы относительно новых обстоятельств, Анна узнает о беременности своей дочери, которая полгода назад переехала жить к своему бойфренду. Эта новость дестабилизирует клиентку; муж, удочеривший её дочь от первого брака, встречает новость холодно и с отчуждением. Анна чувствует беспомощность и досаду, озвучивает мысли о том, что дочь не справится с материнством самостоятельно, пара слишком незрелая, бойфренд дочери настаивал на аборте. Анна была убеждена, что ребенка у дочери нужно забрать и воспитывать в их семье, но для этого нет возможности, так как сама клиентка вскоре станет матерью в четвертый раз. Я узнаю, что подобная ситуация смешения поколений уже присутствовала в семье – двоюродный брат Анны, Степан, родился в один год с ее младшим сыном. Разница в возрасте между дядей и племянником составляет несколько месяцев.

В контрпереносе я ощущала огромную запутанность, скученность образов, тревогу и тяжесть. Внутренний мир клиентки ощущался населенным множеством персонажей, снующих взад и вперед, постоянно меняющих свое место и взаиморасположение.

Перенос и контрперенос при трансгенерационных феноменах имеют свои особенности: обычно это сочетание ощущения острой необходимости, срочности, безотлагательности, смешанные с чувством неконгруэнтной дистанции. Некоторые моменты сессии могут ощущаться как пребывание в тумане. В контрпереносе мы также можем ловить непроговариваемое, недумаемое (unthinkable по У. Биону, бета-элементы), аналитик сам будто уплывает в туман, или можем ощутить внезапное наводнение, заполнение навязчивыми образами или соматическим контрпереносом, отражающим эмоции анализанда или его предка. Мы находимся в поле нашего клиента, и, встречаясь с содержаниями его психики, словно становимся свидетелями того, что случилось много лет тому назад. Защитные механизмы и сопротивление клиентов с трансгенерационной травмой очень сильны, так как непосредственно затронутые травмой члены семьи призывали всю свою психическую и физическую энергию, чтобы подавить травматическое содержание, и это сопротивление также передалось по наследству. Симптомы случившегося много лет назад, проявляются в теле потомков, аналитиков и супервизоров. В этой связи вмешательства аналитика принимают ретроактивное

Защитные механизмы и сопротивление клиентов с трансгенерационной травмой очень сильны, так как непосредственно затронутые травмой члены семьи призывали всю свою психическую и физическую энергию, чтобы подавить травматическое содержание, и это сопротивление также передалось по наследству.

значение, в первую очередь в зависимости от того как пациент прислушивается к интерпретации. Неявные значения, которые таким образом выдвигаются на первый план или создаются во взаимодействиях между аналитиком и анализандом, связаны с историей бессознательных идентификаций пациента. Таким образом, слушание на слух помогает понять, «кто» говорит и в каком историческом контексте. Это слушание не должно быть сосредоточено на сознании. Поэтому Файмберг называет это «децентрированным слушанием», которое перекликается с предположением У. Бюна о том, что аналитик входит в сеанс без памяти и желания, и которое отличает психоаналитическое слушание от феноменологии, где сознание является центральным активом.

Чтобы начать упорядочивать хаос, мы с Анной приступили к процессу создания геносоциограммы - модификации генограммы с обозначением социометрических связей внутри семьи (метод А.А.Шутценбергер) (см. Приложение 1. Геносоциограмма).

Когда мы выстроили картину третьего поколения по женской линии – бабушки Валерии – стал очевиден повторяющийся паттерн семейной жизни клиентки. Первый муж – «ошибка, сумасшедший» (так называла его бабушка), его имя никогда не озвучивалось. От него была рождена Елена, мать Анны, у которой на протяжении всей жизни были напряженные отношения со своей матерью. Вторые неофициальные отношения бабушки принесли второго ребенка – дядю Анны. Анна также была в неофициальных отношениях между первым браком и вторым, была беременна, но пара решила сделать аборт. Третий ребенок бабушки – плод третьего брака с мужчиной по имени Андрей. Разница между первым и третьим ребенком составила 14 лет. Также и Анна родила третьего ребенка от нынешнего мужа Андрея с разницей в 14 лет с первой дочерью. Третий муж бабушки дал свое отчество всем троим детям – маме, дяде и тете Анны. Точно так же муж Анны дал свое отчество первой дочери Анны. Обнаружив бессознательную лояльность Анны своей бабушке Валерии, мы углубились в анализ отношений между матерями и дочерьми по женской линии.

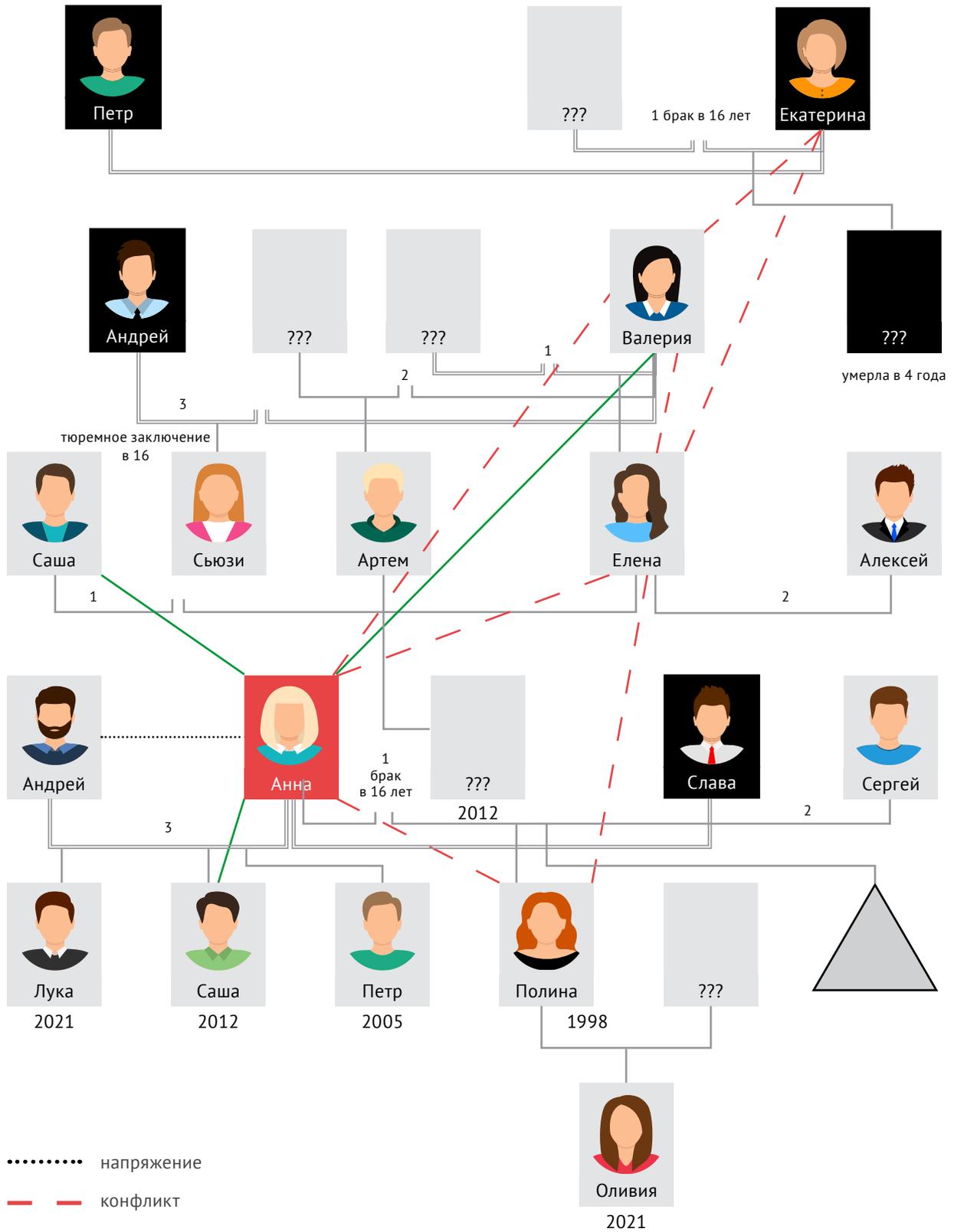
После сессии Анне приснился сон:

«В первом сне мне приснилась моя бабушка, которая уже год назад умерла, она мне довольно часто снится. Мне приснилось, что я сочиняю стихи, а бабушка помогает мне, как бы редактирует и исправляет не очень удачные места».

Этот сон позволил обратиться к позитивным сторонам образа бабушки, с которой Анна была бессознательно идентифицирована. Валерия была журналистом по образованию, начитанной, интеллигентной женщиной, писала картины до самой смерти. К 80-летию бабушки была издана книга-альбом с её картинами. Мы также говорили о теневых сторонах ее фигуры – непримиримости, бескомпромиссности, скандальности, импульсивности. Держа в фокусе семейную тень, мы глубже погружались в анализ теневого содержания самой клиентки.

Симптомы случившегося
много лет назад, проявляются
в теле потомков, аналитиков
и супервизоров.

Свою дочь Елену Валерия отдала на воспитание прабабушке Анны на 2 года (подобная история также повторилась в отношениях Анны с дочерью). В возрасте 12 лет Валерия, уехав со вторым ребенком к третьему мужу, оставила Елену, мать Анны, в интернате в Ростове-на-Дону, где та прожила 3 года, на выходных приезжая к бабушке Екатерине. Таким образом, история нарушенных отношений между матерью и дочерью и заменой материнской фигуры на бабушку прослеживалась уже в двух поколениях семейной истории.

Прабабушка Анны, Екатерина, родилась в 1914 году в семье казаков в станице на севере Волгоградской области. В 3 года (1917 г.) она осталась сиротой и была взята на воспитание в семью своего дяди. В 16 лет она вышла замуж, родила дочь, которая в 3 года умерла от скарлатины. От второго брака были рождены 2 дочери, в том числе бабушка Анны (родилась в 1939 г.). Муж Екатерины погиб в кровопролитных боях под Харьковом, когда Валерии, старшей дочери, было 4 года (1943 г.). По словам клиентки, её прабабушка была тревожной, очень бедной, несчастной, наполненной страхами женщиной.

По словам Герсона, «стойкое присутствие отсутствия в психике лучше всего рассматривать как мертвое третье» [55, с. 12]. Это третье, составленное из непереваренных фактов, создающих страхи уничтожения, как призрак, влияет на развитие второго поколения, которое создает к нему привязанность. Мы можем говорить о «мертвом» как о результате неспособности разума переваривать, понимать и находить отражение телесных и психических событий.

Травма первого поколения затмевает развитие второго поколения, в то время как третье поколение ассимилирует ее в себе таким образом, что она становится частью личности. Если рассмотреть процесс расщепления и проективной идентификации последовательно в теории, мы увидим следующее:

- 1) в психике ребёнка происходит отщепление плохого объекта (травмы) от сознания, который затем проецируется вовне на внешний объект;
- 2) внешний объект, на который была произведена проекция, интериоризируется и занимает определенное место во внутреннем мире ребёнка;
- 3) психика ребёнка теперь содержит отщепленную часть себя самого, вложенную в объект. Этот феномен «слоев», согласно Кляйн (Klein 1946), является лучшим примером шизоидного состояния. Это похоже на своеобразную «матрешку» из отщепленных, а затем заново интроецированных частей своей матери, внутри которой содержатся части ее матери, внутри которой содержатся части ее матери и т.д.

В случае Анны, а точнее четырех представительниц женской линии её семьи - прабабушки Екатерины, бабушки Валерии, матери Елены и самой Анны это происходило следующим образом:

Фрагменты, изгоняемые посредством патологической проективной идентификации, становятся еще более болезненными, порождая нарушения коммуникации между дочерью и матерью, создавая порочный замкнутый параноидный круг.

Реальные физические травмы и брошенность Екатерины, горе по умершей первой дочери не позволили ей должным образом контейнировать примитивные импульсы Валерии и встретить архетипические ожидания своего младенца. Когда среда не может выполнять вмещающую функцию, она оставляет пустоту – «непредставимость». Эта пустота кажется ребёнку смертельной и травмирующей, потому что порождает тревоги, которым нет названия. Защиты самости создают непроницаемый барьер, вроде второй кожи между самостью ребенка и окружением, и процессы деинтеграции / реинтеграции останавливаются [54]. Так, травма прабабушки клиентки влияет на ее бабушку, Валерию, Я Валерии очень истощается из-за постоянных попыток избавиться от своих плохих частей. Фрагменты, изгоняемые посредством патологической проективной идентификации, становятся еще более болезненными, порождая нарушения коммуникации между дочерью и матерью, создавая порочный замкнутый параноидный круг. Позднее такими внешними объектами становятся для Валерии уже её собственные дети, в которых она «помещает» плохие части себя, чтобы избавиться от невыносимого напряжения. Оно разыгрывается в отвержении и физическом отдалении от детей, оставлении матери клиентки Елены в детском доме на несколько лет. Елена, мать клиентки, не имела возможности сепарироваться от своей матери Валерии, так как негативный материнский комплекс будет блокировать индивидуацию до тех пор, пока не будет разрешен. Похожая ситуация происходит в отношениях между Еленой и её собственными детьми, включая Анну. Идентичность Анны словно состоит из осколков всех травм женщин ее рода, что выражается в непосредственном фактологическом повторении сценария личной жизни бабушки Валерии.

Второй сон Анны:

«Мне снится, что я захожу в какой-то чужой дом, он довольно бедный, там много людей и у них маленький ребёнок. Он выглядит очень больным, на лице у него сыпь. Я вижу, что у него там есть родители, но они почти за ним не ухаживают. И мне так этого ребенка стало жалко, что я захотела сделать для него что-нибудь хорошее. Я его взяла на руки и понесла на улицу. И он так обрадовался, улыбался мне!».

Согласно исследованиям Х. Файмберг, о совершенном преступлении или несправедливости не говорится в устной истории семьи. Вместо этого схема передается посредством нарциссических идентификаций, которые составляют связь между поколениями. Эти нарциссические идентификации, в которых телескопируются по крайней мере три поколения, можно найти в каждом анализе [43]. Из поколения в поколение

Слушая, «кто» говорит через слова, сны, рисунки и стихи клиентов, из какого времени, проявляя стертые содержания, давая слова стонам, действиям и молчанию, мы двигаемся к реинвестированию энергии, направленной на обеспечение выживания в задачи индивидуации выбирать и становиться самим собой - вспоминая прошлое, но свободно выбирая свое личное будущее.

передается некий лакунарный концепт – «призрак» – пробел, возникший в психике на месте связанных с ними секретов [32, с. 122]. Такой лакуной в семейной истории Анны были ранние отношения привязанности, образ хорошей матери, в дальнейшем явившейся основанием способности заботиться о себе, своем внутреннем ребенке и своих реальных детях. Травма родителя действует как дезорганизующая сила, которая превращает родителя в непредсказуемого взрослого, который не может думать и чувствовать и не способен сдерживать и сопереживать. Больной, неухоженный ребенок во сне Анны – репрезентация развития, которое было прервано из-за недостаточной материнской функции в роду.

По мере организации семейного опыта в нарратив, Анна с глубоким сожалением ощущала и признавала смертоносную пустоту, впитанную каждой женщиной своего рода и неминуемо передаваемой следующей наследнице. Работая над приданием смысла тому, что, казалось бы, не может иметь смысла, тревога, подобная безымянному страху (У. Бион), постепенно ослаблялась и давала место поиску новых способов связи и идентификации в роду. Постепенно отношения с дочерью стали налаживаться: Анна училась проводить с ней время, узнавать, слушать, помогать с выбором, уважая ее автономию, оказывать поддержку, но не спасать.

Анализируя отношение к мужчинам в роду, Анна обнаружила, что роль мужчины в отношениях прежде всего «функциональна». На следующей сессии клиента призналась, что осознала свое функциональное отношение к мужу: прожив с ним больше 16 лет, Анна совсем не знала этого человека, не видела его как личность.

Наиболее ярким мотивом последующих сновидений Анны были различные животные: сначала животные были забыты в старых домах, клетках, страдали без воды и еды, клиентка находила их полумертвыми, испытывая боль, сожаление и вину. Морские свинки, кошки, собаки, попугаи, крысы, кролики были больные, облезшие, страдающие, погибшие. Через полгода терапии Анна стала активнее проявляться во снах, лечить зверей, кормить, реанимировать их. Иногда образы животных перемежались с увядшими растениями, которые страдали в горшках без полива. Позднее мотив сменился поиском животных, ощущением, что они есть, где-то рядом, клиентка знает об их существовании, но не может найти. Сны сопровождались мучительным чувством пустоты и тревоги. Мы обсуждали, кто же оставил этих маленьких невинных существ в таком положении? Некий внутренний агрессор, направленный на уничтожение живых, уязвимых, зависимых (домашние животные, нуждающиеся в хозяине), беззащитных частей психики.

Фейрнберн, развивая свои идеи о воссоздании во внутреннем мире внешних травматических отношений ребенка, продолжает линию, начатую в ранних работах Ш. Ференци

Вписывание травмы, пусть даже не своей, в субъективный мир конфликтов и фантазий позволяет интегрировать этот опыт и превратить его в структурирующий вместо деструктивного.

и А. Фрейд, посвященных «идентификации с агрессором у детей». Вектор агрессии, который изначально естественным образом был направлен вовне, на внешнего обидчика, изменяет свое направление на противоположное, что приводит к атаке на внутреннего ребенка, который является носителем души, а также к развитию психического эквивалента аутоиммунного заболевания. Как метко выразился Фейрберн, «ребенок использует максимум своей агрессии, чтобы подавить максимум своих либидинозных потребностей» [46]. Внутренний мир остается, главным образом, преследующим, а его функция, в первую очередь, является защитной.

Переломным моментом в сновидческом сюжете о страдающих животных стал сон о пеликане, который залетел в открытое окно дома клиентки. Понимая, что это - водная птица, Анна во сне посадила его в ванну с водой. Через некоторое время, «когда он отдохнул», Анна выпускает птицу в открытую дверь. Образ пеликана оказался очень значимым для клиентки: она вспомнила о пеликанах, виденных в детстве в дельте реки недалеко от родительского дома. Этих же птиц клиентка видит в новой стране проживания, когда на выходные ездит с семьей на залив. Пеликаны словно связывают то место, где она выросла с ее новой родиной («motherland», материнской землей).

Пеликан в бестиариях разрывает себе грудь клювом, чтобы напоить птенцов собственной кровью: так и Иисус умер во имя искупления грехов человечества. Образ птицы использовался буквально везде — от декора бытовых изделий до церковных алтарей. В алхимическом же смысле пеликан являлся символом философского камня, который «кормил» собой несовершенные металлы, превращая их в золото. Алхимики считали, что непрерывное испарение и оседание паров вещества высвобождает его истинные, «духовные» качества: подобно тому, как душа человека после смерти улетает из тела, «дух» субстанции испаряется из нее при нагревании. Таким образом, сон означивал возросшее, более осознанное и чуткое отношение клиентки к своим внутренним и внешним потребностям. В дальнейшем сны о заброшенных животных появлялись эпизодически и были напрямую связаны с периодами переутомления и временного возвращения к патологическим самодеструктивным паттернам. Используя эти сны как сигнал бессознательного, клиентка предпринимала активные действия по более активной заботе о себе.

Большая мотивация и вовлеченность Анны в работу, доверие аналитику, крепко связанному с родной землей клиентки, моя стабильность, вовлеченность и постоянная работа по представлению и вербализации того, о чем говорить запрещено, постепенно позволили клиентке вспомнить свою семейную историю, чтобы, наконец, начать от нее отделять и создавать свою собственную.

Процесс дезидентификации, формирование объекта трансмиссии, то есть выделение того, что было передано, позволяет восстановить историю, принадлежащую прошлому, и, как следствие, дает больше свободы субъекту в формировании своей

Лакуна в психическом пространстве представляет собой непрожитое горе, которое никогда не было осознано, она передается от бессознательного родителя бессознательному ребенку.

индивидуальности (индивидуации). В то же время, вписывание травмы, пусть даже не своей, в субъективный мир конфликтов и фантазий позволяет интегрировать этот опыт и превратить его в структурирующий вместо деструктивного.

В начале нашей работы с Анной история её семьи строилась из огромного количества «слепых пятен», особенно в области отношения матерей и дочерей, жен с мужьями. В терапии мы постепенно двигались от отсутствия нарратива к его фрагментарному выстраиванию через воспоминания, разговоры с родственниками, соседями, друзьями семьи, анализ писем и статей бабушки Валерии. Во время анализа характер контрпереноса менялся от страха, желания избежать трансгенерационных тем, оставаясь в пределах истории жизни клиентки, к внезапным «прорывам» образов ужасающих сцен в состоянии реверси, к постепенному «тайному» восстановлению истории клиентки. У меня возникало желание записать нарратив между сессиями, словно «подслушанный» у клиентки материал, прочитать художественную литературу, связанную с временным периодом жизни прабабушки и бабушки Анны (рассказы и романы М. Шолохова, «Хождение по мукам» А. Толстого, «Человек в истории» Л. Улицкой, «Миры русской деревенской женщины» С. Адоньевой). Терапевту важно обладать информацией об особенностях места, из которого происходит семья клиента, пропуская историю семьи через контекст исторических событий, произошедших на этой территории (Приложение 2).

Идентичность Анны, как и всякого человека, можно считать образованной из весьма сложного множества идентификаций, сформированных внутри нас с рождения. Иногда эти идентификации или некоторые аспекты этого множества идентификаций могут стать жесткими и ограничительными, и тогда личность и развитие оказываются нарушенными. Это патологическая идентификация, которая ведет к скованной и/или искаженной идентичности. Когда «невидимая преданность» ограничивает нашу свободу и сковывает нас, важно сделать ее видимой и остановить нежелательные, несчастные, нездоровые и даже смертельные повторения травм, смерти или болезни.

Ссылаясь на попытку Э. Визеля осмыслить свой опыт в Освенциме [39], Коннолли подробно останавливается на трех фундаментальных аспектах передачи между поколениями, описанных Визелем: смерть времени, смерть языка и смерть повествования. В терапии с Анной мы продолжаем работу в трех плоскостях, восстанавливая, оживляя, конструируя время, язык и нарратив. Постепенно в нарративе Анны появилось место для красоты и достижений, ресурсов, творчества и юмора. Слушая, «кто» говорит через слова, сны, рисунки и стихи клиентов, из какого времени, проявляя стертые содержания, давая слова стонам, действиям и молчанию, мы двигаемся к реинвестированию энергии, направленной на обеспечение выживания (survival self) в задачи индивидуации (individuating self): выбирать и становиться самим собой - вспоминая прошлое, но свободно выбирая свое личное будущее.

В ряде исследований
подтверждается передача
типов привязанности
от одного поколения другому,
что может быть определено еще
до рождения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Неразрешенная культурная травма может передаваться из поколения в поколение и иметь значительное влияние на жизнь, как отдельных людей, так и групп. Многие исследования [33, 34, 37, 39, 42] подтверждают, что потомки пострадавших от коллективной травмы имеют тенденцию к усвоению травматических черт своих предков. Психодинамически-ориентированные исследователи указывают на то, что дети родителей, получивших травмы, могут испытывать затруднения в процессе сепарации-индивидуации [2]. В настоящее время возрастает количество исследований в области последствий и проявлений культурных травм, но информации о способах исцеления от нее или феноменологического описания механизма передачи такой травмы в литературе крайне мало. Поэтому исследования, направленные на поиск закономерностей передачи травмы, диагностики симптомов, относящихся к трансгенерационному полю, к манифестации трансгенерационных симптомов в судьбе наших клиентов и поиск терапевтических средств для разрешения связанных с ними проблем, представляется актуальными и необходимыми.

На примере клинического случая Анны были проиллюстрированы некоторые трансгенерационные феномены (бессознательная лояльность, синдром годовщины, эффект Зейгарник и др.). При работе с трансгенерационной травмой мы можем использовать дополнительные терапевтические инструменты, например, составление геносоциограммы. При работе со снами анализанда, их интерпретации также необходимо помнить о межпоколенческой связи. На сессиях от аналитика требуется особый способ слушания – слушание «третьим ухом»: с одной стороны, выделяя для себя то, что клиент не говорит, но чувствует или думает; с другой – слушание, повернутое внутрь, к своему внутреннему голосу, иначе говоря, с особым вниманием к контрпереносу. Нам также важно помнить об «особом материнском отношении», целительном окружении, которое нужно при работе с тяжело ранеными клиентами. Как мать, эмпатически интуитивно улавливает невыразимое, так и нам необходимо применять этого рода аффективную настроенность, обеспечивающую рост и позволяющую удовлетворять потребности, которые еще не могут быть ясно выражены. В связи с юнгианским пониманием, что трансформация психики случается через ее врожденную бессознательную и автономную символизирующую силу, основная аналитическая задача в работе со случаями межпоколенческой травмы заключается в поддержании растущей способности анализанда символизировать травму и ее многочисленные дериваты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Берн Э. Трансакционный анализ и психотерапия: пер. с англ. – СПб., 1992.
2. Берн Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. М.: Аст, 1996. 399 с.
3. Анна Варга: Введение в системную семейную психотерапию. Когито-Центр, 2009 г.
4. Гольжак В. История в наследство М.: Изд-во Института Психотерапии, 2003. 233 с.
5. Гротштейн Дж. С. Расщепление и проективная идентификация. - М.: Институт

- общегуманитарных исследований, 2017
6. Дольто Ф. На стороне ребенка. Екатеринбург, 2003. 672 с.
 7. Калшед Д. Внутренний мир травмы. Архетипические защиты личностного духа / Д. Калшед.-Москва : «Когито-Центр», 2015. — 397 с.
 8. Калшед Д. Травма и душа. Духовно-психологический подход к человеческому развитию и его прерыванию.- М.: Когито-Центр, 2015
 9. Кампенхаут Д.В. Слезы предков: жертвы и преследователи в коллективной душе. М.: Ин-т консультирования и системных решений, 2012.
 10. Кляйн М. Развитие в психоанализе. - М., 2001.
 11. Кляйн М. Т. 2. «Любовь, вина и репарация» и другие работы 1929–1942 гг. . - Ижевск: ERGO, 2007. - 386 с. (Серия «Психоаналитические труды Мелани Кляйн»)
 12. Культурный комплекс. Современные юнгианские взгляды на психику и общество под редакцией Т.Сингер, С. Кимблс. Касталия, 2018
 13. Мизинова А.В. Семейная тайна: отражение содержания секрета в работе с психологом [Электронный ресурс] // Журнал практической психологии и психоанализа. 2012. N4.
 14. Нойманн Э. Происхождение и развитие сознания, М., Рефл-бук, 1998
 15. Нойманн Э. Ребенок. – М.: Клуб Касталия, 2016
 16. Поро М. Замещающий ребенок. Когито-центр, 2016
 17. Сапоровская М.В. Теория и практика исследования межпоколенной связи в семейном контексте // Психологические исследования: электрон.научн. журн. – 2009. – No3. – URL:chttp:psystundy.ru.
 18. Сапоровская М.В. Межпоколенная трансгенерация паттернов совладающего поведения //Психология совладающего поведения: Материалы II Междунар.

- науч.-практ. конф. Кострома, 23–25 сент. 2010 г. В 2-х ч. Ч. 1 / Отв. ред.: Т.Л. Крюкова, М.В. Сапоровская, С.А. Хазова. – Кострома:КГУ им. Н.А. Некрасова, 2010. – С. 276–279.
19. Стайн М. Принцип индивидуации: О развитии человеческого сознания. - М.: Когито-Центр 2009.
 20. Синельников А.В., Децнер Д.Ф. Отношения между поколениями в американских и российских семьях // Психология старости: Хрестоматия / сост. О.В. Краснова, А.Г. Лидерс. – М., 2003. – С. 206–217.
 21. Фрейд З. Введение в психоанализ: Лекции. - М., 1997. - 479 с.
 22. Фрейд З. Тотем и табу. - М., Академический проект, 2007. - 159 с. (Серия «Психологические технологии»)
 23. Штайнер К. Сценарии жизни людей: Школа Эрика Берна. СПб: Питер, 2003
 24. Шутценбергер А.А. Синдром предков. Трансгенерационные связи, семейные тайны, синдром годовщины, передача травм и практическое использование геносоциограммы / (пер. с фр. И.К.Масалков) М: изд-во Института Психотерапии, 2001-256 с.
 25. Шутценбергер А.А. Практические занятия по психогенеалогии. М., 2015
 26. Элленбергер Г.Ф. Открытие бессознательного. - СПб.: Академ. Проект, 2001
 27. Эльячефф К. Затаенная боль: Дневник психоаналитика (детский психоанализ). – М.: «КСТАТИ», 1999. – 176 с.
 28. Юнг К.Г. Сочинения. Том 8. Структура и динамика психического / Карл Густав Юнг. - М.: Когито-Центр, 2016. - 480 с.
 29. Юнг К.Г. Собрание сочинений. Психология бессознательного / Карл Густав Юнг. - М.: Канон +, Реабилитация, 2013. - 320 с.
 30. Юнг К.Г. Психология и алхимия. - М.: Рефл-бук, 1998
 31. Юнг К. Г. Архетип и символ. М.: Ренессанс, 1991. 304 с.
 32. Abraham N., Torok M. The lost object-me: Notes on identification within the crypt // *Psychoanalytic Inquiry*. 1984. Vol. 2(4). P. 221–242.
 33. Alexander, Jeffrey C. 2004. “From War Crime to Holocaust Trauma: Progressive and Tragic Narratives of the Nazi’s Mass Murder of the Jews.” In *Cultural trauma and collective identity*. Ed. Jeffrey Alexander, Ron Eyerman, Bernhard Giesen, Neil Smelser, & Peter Sztompka. Berkeley: University of California Press.
 34. Ancharoff, M.R., Munroe, J.F. & Fisher, L.M. (1998). The legacy of combat trauma. Clinical implications of inter-generational transmission. In Y. Danieli, (Ed.), *International handbook of multigenerational legacies of trauma* (pp. 257-276). New York: Plenum.
 35. Bion, W.R. (1959). Attacks on linking. *International Journal of Psychoanalysis* 40:308-315.
 36. Boszormenyi-Nagy I. Commentary: Transgenerational solidarity—therapy’s mandate and ethics // *Family Process*. 1985. Vol. 24. P. 454–456.
 37. Braga L.L., Mello M.F., Fiks J.P. Transgenerational transmission of trauma and resilience: a qualitative study with Brazilian offspring of Holocaust survivors // *BMC Psychiatry* 2012, 12:134
 38. *Confronting cultural trauma: jungian approaches to understanding and healing* edited by Greazina Gudaite and Murray Stein, Spring journal Books, 2014

39. Connolly, A. Healing the wounds of our fathers: intergenerational trauma, memory, symbolization and narrative // *Journal of analytical psychology*, 2011
40. Eigeur A. et al. *Le generationnel*. Paris: Dunod, 2005.
41. Gampel Y. “Prendre conge” de son passe au travers de la pense de l’analyste // *Journal de la psychanalyse de l’enfant*. 1995, 16. P. 169–200.
42. Harvey A. Barocas and Carol B.Barocas, «Separation-Individuation Conflicts in Children of Holocaust Survivors», *Journal of Contemporary Psychotherapy* 11, no 1 (1980): 6.
43. Faimberg H. *The telescoping of generations: listening to the narcissistic links between generations*. London: Routledge, 2005
44. Ferro, A. (2006). Trauma, reverie, and the field. *Psychoanalytic Quarterly* 75:1045-1056.
45. Fraiberg S. et al. Ghosts in the nursery // *J. Amer. Acad. Child. Psychiat.* 1975. Vol. 14. P. 387 – 421.
46. Fairbairn, W.R.D. 1943 *The repression and the return of bad objects (with special reference to the ‘war neuroses’)* In *an object-relations theory of the Personality* New York: Basic Books, 1951
47. Kellermann N.P. Epigenetic Transmission of Holocaust Trauma: Can Nightmares Be Inherited? // *The Israel journal of psychiatry and related sciences*. 2013
48. Kirmayer L.J., Gone J.P., Moses J. Rethinking Historical Trauma // *2014 Transcultural Psychiatry* 51(3):299-319
49. Küffer A, Maercker A, Burri A (2014) Transgenerational Effects of PTSD or Traumatic Stress: Do Telomeres Reach Across the Generations? *J Trauma Treat* 3: 204.
50. Rowland-Klein, D., & Dunlop, R. (1998). The transmission of trauma across generations: Identification with parental trauma in children of Holocaust survivors. *Australian and New Zealand Journal of Psychiatry*, 32(3), 358–369.
51. Srour W. & Srour A. Communal and Familial War-Related Stress Factors: The Case of the Palestinian Child // *Journal of Loss and Trauma*. 2006. Vol. 11
52. Tisseron, S. (2007) *Transmission et ricochets de la vie psychique entre les generations*. *La revue internationale de l’éducation familiale*, 22, 13-26.
53. Volkan V.D. *Transgenerational Transmissions and Chosen Traumas: An Aspect of Large-Group Identity* // *Group Analysis*. 2001. Vol. 34(1). P. 79–97.
54. Urban E. *A study of Michael’s Fordham’s model of development: theory, explications and extensions*; 2015
55. Gerson, Samuel. ‘When the Third is Dead: Memory, Mourning, and Witnessing in the Aftermath of the Holocaust’. *International Journal of Psychoanalysis*, 2009, 90, pp. 1341-1357